

МАРГИНАЛ КАК ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (на примере женской этнической прозы США 1980–2000 гг.)

*Работа представлена кафедрой зарубежной литературы.
Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Н. Я. Дьяконова*

Статья посвящена рассмотрению проблемы социальной и культурной маргинализации женщин – представительниц этнических меньшинств. В 1960-х гг. феномен маргинальности начинает истолковываться как проявление модной «ненормативности» и оказывается в центре внимания исследователей. В итоге формируется «цветная» женская литература, в которой анализируется специфический опыт «цветной» женщины.

The article is devoted to the problem of social and cultural marginalisation of women belonging to ethnical minorities. Starting from the 1960s, marginality has been interpreted as a fashionable «non-normality» and has turned to be in the centre of researchers' attention. As a consequence, the 1960s saw the evolvement of women's ethnic literature focused on describing specific experience of a so-called coloured woman.

В рамках мультикультурализма – междисциплинарного явления, в центре которого стоит проблема культурного, этнического и религиозного разнообразия, – женщины выступают как культурная группа, которая находится в сложных взаимоотношениях с «мейнстримом». Гендерные исследования являются настолько значимой частью мультикультурализма, что нередко женщина оказывается в эпицентре мультикультурных баталий. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что становление мультикультуралистской идеологии в 1960-х гг. сопровождалось мирной феминистской «революцией». Однако, по мнению приверженцев мультикультурализма, в наиболее уязвимом положении пребывают женщины – представительницы этнических меньшинств. Исследователи¹ выдвигают понятие «двойной угрозы» (double jeopardy), под которым понимается дискриминация «цветной» женщины как по признаку пола, так и по признаку этнической принадлежности. Литературовед Мария Мардберг называет «цветных» писательниц «Другими среди Других» (the Others of the Others), описы-

вая характерное для них состояние «двойного пограничья»². В настоящей статье предпринята попытка продемонстрировать то, каким образом становление женской литературной традиции (в частности, женской этнической литературы) способствовало освобождению женщины от стигматизирующей идентичности безголосой «жертвы», от состояния социального «изгойничества».

Первым взаимосвязь, существующую между идеологией национализма и современными представлениями о мужественности, четко обозначил Джордж Моссе, профессор Висконсинского университета. По мнению Моссе, национализм возник и расцвел пышным цветом одновременно с современными представлениями о мускулинности³. Дальнейшее развитие эта мысль получила в работах социолога Джоан Нагель. Цитируя поговорку южноафриканского народа тсвана, согласно которой «у женщины нет племени», Нагель утверждает, что со времен патриархата женщину не было принято рассматривать как полноценную представительницу рода, поскольку в

случае экзогамного брака она переходила в племя мужа. Следовательно, мужчины и женщины по-разному «переживали» свою принадлежность к племени, народу, нации⁴. Вслед за Дж. Моссе Нагель прослеживает связь между гегемонным национализмом и гегемонной мускулиностью: общественные институты – органы власти, армия и пр. – создаются и контролируются главным образом мужчинами и, следовательно, являются гендерно маркированными. Таким образом, делает вывод Нагель, государство-нация – это продукт мускулиной, патриархальной системы⁵.

По наблюдению многих исследователей, в рамках мускулиной культуры женщина выступала как маргинализированный Другой, который не имел доступа к властным ресурсам, в том числе к языку – символическому орудию власти, дающему его обладателю возможность выразить себя. Именно отсюда проистекает близость феминизма и мультикультурализма с его акцентом на феномене маргинальности. Впервые проблему маргинализации женщины и подавления феминного в культуре наиболее полно сформулировала Симона де Бовуар, французский философ-экзистенциалист. В книге 1949 г. «Второй пол» Бовуар показала, что общество традиционно конституирует мужское/мускулиное как позитивную культурную норму, а женское/феминное как негативное, как отклонение от нормы, как Другое. Националистической, патриархальной парадигме мышления свойственны жесткая дихотомичность: бинарные пары (верх/низ, целомудрие/чувственность, жизнь/смерть и т. д.) выстраиваются в иерархическую модель, согласно которой верх «лучше» низа, целомудрие «моральнее» чувственности и т. д. Согласно этой парадигме, «мужское» и «женское» тоже воспринимаются как четкая оппозиция и описываются через полярные категории: «мужское» отождествляется с духом, логосом, культурой, активностью, силой, рациональностью, светом и т. д.; «женское» –

с материей, хаосом, природой, пассивностью, слабостью, эмоциональностью, тьмой, причем «мужской» ряд символов расценивается как более значимый, более ценный, нежели «женский». Господство мужского начала превращает «я» женщины в «объект», в «Другого», а самой женщине навязывается уничижительный образ самой себя. Кроме того, история свидетельствует о том, что реальная власть всегда была в руках мужчин. «С самого начала эпохи патриархата, – пишет Бовуар, – они считали полезным держать женщину в состоянии зависимости; их законодательство было направлено против нее; и таким образом она была конкретно конституирована как Другой»⁶.

В эссе «Время и другой» Эммануэль Левинасс также отмечает, что в мировой культуре женское начало является воплощением «абсолютной противоположности»: «Женщина – субъект, тайна которого состоит в его другости»⁷. Огромное влияние на развитие феминизма во второй половине XX в. оказала концепция маргинальных практик Мишеля Фуко: в своем фундаментальном исследовании маргинальности, безумия и способов изоляции «История безумия в классическую эпоху» 1961 г. Фуко приходит к выводу, что женщина традиционно позиционировалась как маргинальный объект еще и в силу будто бы особой физиологической предрасположенности женщин к истерии и прочим психическим заболеваниям⁸.

В 1985 г. одна из известных литературоведов феминистского толка Элейн Шоултер публикует, по ее словам, первую всеобъемлющую работу, в которой безумие, зачастую сопровождающееся социальной изоляцией, представлено как специфически женская болезнь, – «Женская болезнь. Женщины, безумие и английская культура, 1830–1980 гг.». Шоултер приводит статистические данные, согласно которым именно женщины составляли большинство пациентов клиник для умалишенных. Как отмечает Шоултер, по мнению современных

феминистских философов, литературных критиков и социологов, фундаментальная связь между женщиной и безумием существует потому, что женщина, лишенная возможности саморепрезентации и артикуляции своих внутренних проблем, неизменно оказывалась на грани иррационального и безумного⁹.

Примечательно, что получение возможности творческого самовыражения не является залогом душевного спасения, скорее, наоборот. Как отмечает Ю. М. Лотман в статье, посвященной изгойству, в аграрном, архаическом обществе всякое индивидуальное творчество ассоциировалось с шаманизмом или колдовством и воспринималось как приобщение к потустороннему миру, к силам второго рода, потенциально опасным и несущим угрозу жизни¹⁰. Аналогичную точку зрения высказывает и М. Фуко: *homo creans* – человек творящий – посягает на роль Создателя и тем самым позиционирует себя как безумный богоборец, а безумие, в свою очередь, несет в себе элементы «некоего труднодостижимого, скрытого от всех, эзотерического знания»¹¹. Однако если мужское творчество воспринималось как допустимое нарушение «нормы», то женщина, которая была призвана выполнять охранительную функцию, не имела права заниматься творческой деятельностью, а женское творчество осуждалось и истолковывалось как плод «демонического» женского гения.

Антрополог-этнолог Эдвин Арденер, столкнувшись с проблемой сбора этнографического материала о женщинах и у женщин народности баквери (Камерун), был поражен тем, насколько слабо женщина представлена в рамках доминирующей системы, и в 1972 и 1975 гг. написал две статьи, которые стали знаковыми для феминистской мысли XX в. Арденер разделил людей на две группы: тех, кто обладает правом речи и, соответственно, инструментами символического господства, а потому контролирует «производство реальности», –

летописцы, историки, юристы, психологи, врачи, священники, антропологи, учителя и писатели и т. п. (среди них почти не было женщин или «цветных», не обученных грамоте, не допускаемых в университеты или вообще в публичную сферу и т. п.), и тех, кого Арденер назвал «онемлёнными», или лишенными речи (*muted groups*), кто не имеет доступа к символической сфере (языку) и, следовательно, не может ни создать собственную картину мира, ни добиться признания (женщины, дети, преступники)¹². Таким образом, женским вариантом аутсайдерства становится отделение от окружающих дымкой молчания, которое воспринимается и как предпосылка выживания потаенной женской субъективности, и как причина постепенного исчезновения этой субъективности.

Таким образом, в националистическом проекте положение женщины вдвойне трагично. С одной стороны, ее частный женский опыт либо вообще не представляет интереса для писателя-мужчины, либо искажается. Вплоть до 1960-х гг. произведения, написанные женщинами, были по преимуществу исключены из литературного канона. С другой стороны, с точки зрения традиционной – патриархальной – морали идеальная женщина – женщина самоотверженная, женщина-жертва, именно в жертвенности своей обретающая личность и самоопределяющаяся через Другого – мужчину и ребенка. Приличной женщине не пристало заниматься творчеством, в том числе писать книги, тем более о себе, в таких эгоцентрических жанрах, как дневники, исповедальная эссеистика и автобиография. Как отмечает Эстель Елинек, специалист по женской автобиографии, пишущая женщина должна была испытывать, по крайней мере, неловкость по поводу игнорирования своей традиционной женской роли ради творчества¹³. В итоге женское творчество воспринимается как девиантное, что должно вызывать у пишущей женщины чувство вины. Отсюда, по наблюдению Э. Шоуол-

тер, Э. Джейнвей, основной формой проявления женской субъективности в XIX в. становится так называемый «язык безумия». Более того, исходя из анализа женского творчества, Джейнвей утверждает, что безумие становится сознательной установкой пишущей женщины, причем женское безумие принципиально отличается от безумия творящего мужчины, поскольку состояние безвластия, навязанное женщине извне, и вытекающее отсюда сумасшествие были постоянной и неотъемлемой частью женской психики на протяжении многих столетий. По наблюдению Джейнвей, особенно яркие образы сумасшедших героинь в XX в. были созданы афроамериканками: именно черная женщина смогла в полной мере описать разрушительные последствия давления патриархальной «белой» системы на человеческую личность¹⁴.

По мнению Э. Шоултер, а также французских исследовательниц Сандры Гилберт и Сюзан Губар¹⁵, только в начале XX в. в творчестве женщин-писательниц происходит отказ от маркировки собственной субъективности как девиантной, маргинальной, и лишь к 1960-м гг. женская проза и поэзия получают признание со стороны критиков и конституируются как одно из направлений в рамках литературы «мейнстрима». Великая Немая заговорила.

Представляется верным выделить по крайней мере два фактора, которые способствовали возникновению женской этнической литературной субтрадиции. Во-первых, в середине XX в. маргинальность «цветной» писательницы перестает восприниматься как «непрестижная» социальная стигма благодаря тому, что в 1960-х гг. феномен маргинальности начинает истолковываться как проявление модной «ненормативности» и оказывается в центре внимания социологов, культурологов и литературоведов. Фигура децентрированного, маргинального субъекта является предметом анализа в трудах французских исследователей Ж. Делеза и Ф. Гваттари¹⁶, Ж. Лакана¹⁷.

Классическими работами, посвященными явлению этнокультурной маргинальности, принято считать исследования социологов из Чикагского университета Роберта Парка¹⁸ и Эверетта Стоунквиста¹⁹, которые в качестве примеров маргинальных личностей приводят эмансипированную женщину, американского негра и иммигранта: для всех них характерны состояние культурной гибридности и отсутствие стабильной идентичности. Понятие маргинальных личностей и групп стало одним из важнейших в американской социологии и культуроведении.

Любопытно отметить, что феномен маргинальности удивительным образом созвучен американскому умонастроению. Во-первых, инакомыслие (явление, сопоставимое с феноменом маргинальности) было манифестом первых американцев. Изначально инакомыслие будущих колонистов проявилось в приверженности к протестантизму: именно религиозное диссидентство вынудило отцов-основателей покинуть Старый Свет. В последующие годы инакомыслие проявилось в виде многочисленных деноминаций протестантизма (баптистов, методистов, пиетистов, фундаменталистов, евангелистов, пятидесятников и прочих протестантских движений). Во-вторых, Америка является уникальной страной, целиком состоящей из переселенцев и иммигрантов, которые, согласно Р. Парку и Э. Стоунквисту, являются классическими примерами маргинальных личностей. Наконец, феномен маргинальности стал в Америке столь популярным благодаря наследию освоения фронта (территории Дикого Запада). Именно на Диком Западе сформировался специфический американский герой – фронтисмен, примерами которого могут служить герои Дж. Купера, Дэниел Бун (образ, созданный Джоном Филсоном в 1784 г. в книге «Открытие, заселение и сегодняшний день Кентукки»), Дэйвид Крокетт («Очерки и забавные истории полковника Дэйвида Крокетта», 1833 г.

и др.). Благодаря фронтиру в литературе США наряду с нормативными – иконографическими – героями (Дж. Вашингтоном, Б. Франклином, Т. Джефферсоном и т. д.) возникает образ одинокого и бесстрашного пограничного жителя, который волей чрезвычайных обстоятельств был изгнан из традиционного общества и оказался в состоянии социального изгойства. Любимыми героями Америки становятся ковбой, гангстер, преступник, скрывающийся от руки закона на Диком Западе. В XX в. феномен фронта получает неожиданные трактовки: американские литературные критики вводят понятие «психологический фронт», который пролегает в душе и сознании современного американца, в особенности представителя этнических меньшинств, т. е. «американца-через-дефис».

Популярности идеи «психологического фронта» способствовали расцвет постмодернистских идей и движения контркультуры, которые несли мощный маргинальный заряд. Как отмечает ведущий теоретик постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар, «отождествление с великими именами, героями современной истории становится все более трудным»²⁰. Битничество, хипстеризм, неконформистское движение «новых левых» 1960-х гг. – все это выдвигало феномен маргинальной личности (т. е. «пограничного» человека) в центр внимания. В итоге к 1970-м гг. американский герой, по наблюдению М. Тугушевой, утрачивает свое главное качество – стремление к успеху и материальному благополучию. Иногда, к удивлению читателя, американский «Новый Адам» выступает в женском облике – очевидно, это дань явлению, которое критики называют «феминизацией» американской литературы²¹. В результате американскую литературу «наводнили» маргинальные героини, среди них – «цветные» женщины, представительницы бедных слоев населения (например, героини романов Т. Моррисон и С. Сиснерос). «Промежуточное» сознание и испытание аутсайдерством ста-

новятся излюбленными темами произведений женского «пограничья».

Кроме того, становлению женской этнической литературной субтрадиции способствовала так называемая «вторая волна» феминизма – мирная феминистская революция 1960-х гг., протекавшая одновременно с леворадикальными социальными движениями. Если «первая волна» феминизма (движение суфражисток) привела к серьезным законодательным изменениям, то двумя важнейшими завоеваниями «второй волны» феминизма можно считать становление женской литературы как отдельной традиции в рамках литературного мейнстрима, а также формирование так называемого «цветного» феминизма. Возникновение в 1960-х гг. так называемого «цветного», или постколониального, феминизма приводит к тому, что «цветные» феминистки и феминистки неевропейских стран выдвинули тезис об иерархии женщин и гегемонии западной модели феминизма, в рамках которого «цветные» женщины (афроамериканки, мексикано-американки) продолжают оставаться «невидимыми». Закономерным образом неоднородность феминистского движения породила в американской литературе неоднородность ее женского течения, т. е. привела к становлению «цветной» женской литературы, к которой относятся произведения, созданные «цветными» писательницами, и в которых анализируется специфический опыт «цветной» женщины.

Во второй половине XX в. «мейнстрим» начинает отдавать должное творчеству «цветных» женщин: в 1949 г. престижную Пулитцеровскую премию получила афроамериканская поэтесса Гвендолин Брукс. В 1976 г. национальная премия литературных критиков досталась американской писательнице китайского происхождения Максин Хонг Кингстон за роман «Воительница», написанный в жанре псевдоавтобиографии. В 1983 г. Пулитцеровская премия была присуждена Элис Уокер за роман «Цвет пурпур-

ный». В 1993 г. Тони Моррисон становится первой афроамериканкой, которая была удостоена Нобелевской премией по литературе. Возникает отдельное направление фе-

министкой критики, посвященное изучению особой эстетики и специфических черт, характерных для поэтики, стилистики, тематики и жанра женской этнической прозы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Cudjoe S. R.* Maya Angelou and the Autobiographical Statement // *Black Women Writers (1950–1980). A Critical Evaluation* / Ed. by Mari Evans. New York: Garden City, 1984. P. 6–24; *Волби С.* Женщина и нация // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Пашина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 308–331.

² *Mardberg M.* Envisioning American Women: The Roads to Communal Identity in Novels by Women of Color. Uppsala, 1998. P. 29.

³ *Mosse G. L.* Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. P. 232.

⁴ *Nagel J.* Masculinity and Nationalism: Gender and Sexuality in the Making of Nations // *Ethnic and Racial Studies*. 1998. Vol. 21. № 2. P. 261.

⁵ *Ibid.* P. 248–252.

⁶ *Бовуар С. де.* Второй пол: В 2 т. М.: Издательская группа «Прогресс»; СПб.: Алетейя, 1997. С. 181.

⁷ *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека / Пер. с франц. А. В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 95.

⁸ *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 290–299.

⁹ *Showalter E.* The Female Malady. Women, Madness, and English Culture, 1830–1980. New York: Pantheon Books, 1985. P. 3–4.

¹⁰ *Лотман Ю. М.* «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода. («Свое» и «чужое» в истории русской культуры) // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 223.

¹¹ *Фуко М.* Указ. соч. С. 41.

¹² *Ardener E.* Belief and the Problem of Women. The ‘Problem’ Revisited // *Perceiving women* / Ed. by Shirley Ardener. London: Malaby Press, 1975. P. 1–27.

¹³ *Jelinek E. C.* The Tradition of Women’s Autobiography: From Antiquity to the Present. Boston: Twayne Publishers, 1986. P. 187.

¹⁴ *Janeway E.* Women’s Literature // *Harvard Guide to Contemporary American Writing* / Ed. by Daniel Hoffman. Cambridge, Massachusetts, and London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1979. P. 346, 382.

¹⁵ *Gilbert S. M., Gubar S.* The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination. New Haven and London: Yale University Press, 1979.

¹⁶ *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.: Академия наук СССР, Институт научной информации по общественным наукам, 1990.

¹⁷ *Лакан Ж.* Семинары. Книга II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос, 1999.

¹⁸ *Park R.* Human Migration and the Marginal Man // *Classic Essays on the Culture of Cities* / Ed. by Richard Sennett. New York: Appleton-Century-Crofts Meredith Corporation, 1969. P. 131–142.

¹⁹ *Stonequist E.* The Marginal Man: A study in personality and cultural conflict. N.Y.: Scribner, 1937.

²⁰ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 43

²¹ *Тугушева М. П.* Средние Штаты и проблема национального героя в литературе США // *Проблемы становления американской литературы* / Отв. сек. Я. Н. Засурский. М.: Наука, 1981. С. 111.